

ИЗ СОЗВЕЗДИЯ ТИТАНОВ

К 120-ЛЕТИЮ КУДАЙБЕРГЕНА ЖУБАНОВА

В годы репрессий сталинского периода погиб цвет культуры казахского народа – интеллигенция. Ахмет Байтурсынов, Миржакип Дулатов, Санжар Асфендияров, Сакен Сейфуллин, Беймбет Майлин, Ильяс Жансугуров, Магжан Жумабаев. Этот список казненного поколения можно продолжать и продолжать... В мартирологе рокового 1937 года – Кудайберген Жубанов, выдающийся ученый-лингвист, основоположник отечественного языкознания, уникальная личность, чье наследие бесценно и сегодня.

Его расстреляли 25 февраля 1938 года вместе с Сакеном, Ильясом и Беймбетом. С последними двоими они были большими друзьями, общались семьями, обменивались творческими планами, мечтали о счастливом будущем родного народа. Свой арест и заключение восприняли как недоразумение, ждали скорого освобождения, потому что ни в чем не были виновны ни перед своей совестью, ни перед новой властью. Но власть в лице репрессивных органов, расправившись с ними, сделала все, чтобы и воспоминания об их следах на земле не осталось. Поэтому порой так скудны сведения и о жизни, и о трудах титанов казахского возрождения первой половины XX века.

Сохранились обрывочные воспоминания родных и близких, собранные по крупницам фрагменты произведений, редкие экземпляры опубликованного. О многом можно только догадываться, не говоря уже о том, что дали бы Кудайберген Жубанов и его соратники, если бы голиаф диктатуры не отнял у них возможность жить и реализовать в полной мере недюжинные таланты.

За свою короткую жизнь Кудайберген Жубанов успел сделать немало, ибо с рожде-

ния был нацелен на быстрое развитие, получение серьезного образования и высокую творческую отдачу.

Родился он 19 декабря 1899 года, аккурат в преддверии апокалиптического XX века, принесшего человечеству всемирные катастрофы, сопровождавшиеся небывалыми людскими жертвами. Место рождения – недалеко от нынешнего села Акжар Темирского района Актыубинской области. Отцом его был аульский предводитель (сегодня сказали бы – неформальный лидер) Куан, пользовавшийся авторитетом во всем уезде. До появления мальчика на свет в семье рождались только девочки, поэтому мальчика назвали именем, которое переводится на русский как «данный Богом».

Ребенок рос, как в поле трава, без систематической учебы до 14 лет, пока царская администрация не выделила уезду две русские трехгодичные школы. Одну из них выхлопотал для своего аула Куан Жубанов, и Кудайберген, уже переростком, как некогда великий Михайло Ломоносов, российский гений из архангельской глубинки, в пожарном порядке одолел программу начальной школы. Потом отец определил его в медресе «Хусания» в Оренбурге. Далее у юноши пошли сплошные экстернаты.

За три года он прошел семилетнюю программу Журунковой русской школы, с опережением закончил двухклассное Илецкое училище, параллельно за все время получения общего образования налегая на овладение языками. Уже к 20 годам Кудайберген великолепно говорил и писал на арабском, татарском и русском, помимо, разумеется, родного казахского. Знать как можно больше языков стало его жизненной страстью и призванием будущего лингвиста. Забегая вперед, скажем, что кроме названных, в течение последующих десяти лет он пополнил свой арсенал полиглота знанием персидского, турецкого, чувашского, коми, монгольского языков, а также резко отличных от названных по структуре – немецкого, грузинского, начал изучать японский, всерьез подбирался к китайскому, для хорошего освоения которого, как известно, надо знать на память несколько тысяч иероглифов.

Неудивительно, что органы советской власти привлекли такой ценный кадр к кампании ликвидации не-

грамотности среди населения (т. н. «ликбез»). Работе в качестве учителя, инспектора Темирского уездного отдела народного образования, потом Актюбинского губоно и, наконец, сотрудника Наркомпроса Казахской АССР Кудайберген Жубанов посвятил целых 8 лет активной подвижнической жизни. Из главного образовательного ведомства его отправляют на учебу в Ленинградский институт живых восточных языков, и он, опять экстерном, за два года заканчивает его и становится аспирантом Института языка и мышления Академии наук СССР в Москве. В возрасте 32 лет получает звание профессора филологии – первого в истории своего народа ученого с высшей научной степенью в области языкознания.

Последние неполные шесть лет своей жизни Кудайберген Жубанов – безусловный авторитет в своей профессиональной сфере, зачинатель и устроитель системы научных исследований и преподавания казахской филологии в высшей школе.

Ему поручают кафедру казахского языка и литературы первого национального вуза – Казахского педагогического института, которому через некоторое время дали имя Абая. Параллельно Кудайберген Куанович заведовал сектором методики программ и учебников, был председателем учебно-методического центра Наркомпроса, председателем государственного комитета по переводу терминологии, главным редактором «Бюллетеня Гостерминкома», членом Всесоюзного центрального комитета нового латинизированного алфавита при Президиуме Совета Национальностей Центрального Исполнительного Комитета СССР (по-нынешнему – парламента страны). В 1936–1937 являлся заведующим лингвистическим сектором, членом ученого совета и членом Президиума Казахского филиала Академии наук СССР, а также главным редактором Академического словаря казахского языка. И это еще далеко не полный перечень должностей и обязанностей, которые Кудайбергену Жубанову приходилось исполнять.

Диву даешься, как этот молодой человек, плотно занимавшийся препода-

ванием в институте, научной работой, написанием фундаментальных исследовательских трудов, первых учебников казахской грамматики для школ и вузов, подготовкой преподавателей и аспирантов в области казахской филологии, успевал объять весь огромный круг возложенных на него забот.

К тому же он был отцом большого семейства, окружавшим теплом и вниманием шестерых детей (самый младший родился почти одновременно с арестом Кудайбергеном) и нежно любимую жену Раушан. Соединили они судьбы по великой любви. Семейные предания хранят историю о том, как 20-летний Кудайберген, полюбив девушку и убедившись в ее ответном чувстве, пошел на дерзкий поступок – украл ее, согласно тогдашним обычаям, несмотря на то, что она была засватана за богатого человека, много старше ее. За ними гнались, пытались наказать, но это не помешало молодым создать семью. Это был 1919-й год, шла гражданская война.

Вообще Кудайберген Жубанов был незаурядной личностью во всем. Пламенная страсть к изучению языков, к вопросам лингвистики, в первую очередь – к развитию родного языка и литературы не была помехой ему для формирования взглядов на происходящее вокруг. Он имел твердое самостоятельное мнение по узловым проблемам жизни, прошлого, настоящего и будущего.

При аресте его обвинили в национализме и даже шпионаже в пользу Японии (понятно: изучал японский язык, не иначе как с враждебной целью). А национализм увидели в его участии еще юношей в заседаниях Алашорды. Так получилось, что дед Кудайбергеном по материнской линии действительно брал внука на собрания алашординцев в Актюбинске и Оренбурге, и по окончании медресе «Хусаиния» Жубанов был вовлечен в молодежную секцию организации, публиковал свои стихи и заметки в журналах «Ай» и «Тез», издававшихся Алашордой. Потом связи оборвались, Кудайберген учился в Москве и Ленинграде, стал профессором и с головой окунулся в

преподавательские и научные заботы. Он искренне верил, что революция и советская власть явления поистине народные, и отдавался служению делу просвещения всей душой.

Но когда наступил период репрессий и народ подвергся чудовищному голодомору начала 30-х годов, Кудайберген Жубанов испытал огромное разочарование. Надеюсь, что власть признает свои ошибки и поправит положение, он, даже уже будучи в тюрьме, написал политический памфлет, в котором заклеил действия сталинских опричников, и прямо заявил, что казахи вымирают от голода и перегибов в проведении коллективизации.

По воспоминаниям родных и близких, ученый имел смелость говорить, что такая политика несет казахам крах, и для сохранения генофонда нации, своей культуры им необходимо независимое государство, которым бы не помыкали жестокие и высокомерные наместники из центра.

Из всего этого можно заключить, что, будучи репрессированным, Жубанов отстаивал правоту своих взглядов и рассчитывал, что власть, если она действительно народная, прислушается к этим доводам.

Власть признала преступления сталинского режима слишком поздно – спустя 20 лет после террора 1937–1938 годов, в результате которого пострадали и погибли сотни тысяч ни в чем не повинных честных сынов Отчизны.

3 октября 1957 года дело по обвинению профессора-языковеда Кудайбергенов Жубанова было рассмотрено Военной коллегией Верховного суда СССР. Ученого реабилитировали посмертно «за отсутствием состава преступления».

Есет Жубанов, доктор филологических наук, сын Кудайбергенов Куановича, в своей статье «Слово об отце, или длинные мгновения его короткой жизни» писал: «Моя мать Раушан Оспанкызы, до последней минуты не терявшая надежды увидеть супруга живым, долго не могла взять в толк, что случилось. Бедняжка, без единой слезинки, все вопрошала: «Как это – «реабилитирован посмертно»?». Выходит, что расстреляли «за отсутствием преступления»?» Только спустя некоторое время она поняла, что случилось нечто страшное, непоправимое. И тогда эта сильная женщина, напрасно прождавшая любимого человека, совсем еще не старого отца ее шестерых детей, горько и безутешно заплакала, повторяя одно и то же: «Зачем они так жестоко? Лучше бы сказали, что он виновен за какие-то деяния и заслуженно наказан!»

Человек, заложивший основы казахского языкознания, определивший на многие десятилетия вперед его перспективные цели и задачи, за короткий срок с 1932 по 1937 годы выполнил объем работ, который едва ли под силу целому научно-исследовательскому институту, а, может быть, и всей тогдашней Академии наук.

Наследие К. К. Жубанова охватывает большой круг теоретических и практических проблем, многие из которых и поныне стоят перед казахстанской и мировой наукой. Сейчас все его разработки используются учеными, преподавателями высших учебных заведений и средних школ. Это фундаментальные труды по морфологии, фонетике, син-

таксису, стилистике казахского языка, сравнительному языкознанию и многим другим темам. Некоторые исследования Кудайбергенов Жубанова выходят за пределы филологии и лингвистики. К примеру, в работе о роли произошедшей Октябрьской революции в судьбах языка казахской нации автор анализирует жизнь казахов до и после Октябрьской революции (которую, кстати, даже в заглавии он назвал «переворот») и, говоря о связи исторических судеб народа с развитием его языка, предостерегает от многих опасностей, которые могут отразиться в будущем на этом главном сокровище нации.

В этом отношении К. Жубанов оказался прозорливцем. Сегодня, спустя 80 лет после его гибели, в нашем обществе идет подготовка к переводу казахского языка на латиницу. В свое время ученый возглавлял комиссию по разработке терминологии к переходу казахского языка с арабской графики на латиницу. На съезде тюркологов в Москве, по воспоминаниям академика С. Е. Малова, всесоюзная комиссия вариант, предложенный К. Жубановым, признала наилучшим. В нем ученый постарался максимально учесть все нюансы адекватной передачи звуков казахского языка средствами латиницы, избегая при этом излишнего нагромождения алфавита символами, что негативно скажется на обучении детей новой грамоте.

К переходу на латиницу, как и вообще к дальнейшему развитию языка, предупреждал К. Жубанов, невозможно подходить однозначно. Необдуманность будет иметь тяжелые последствия. Он говорил: «Нельзя нагромождать и нельзя чрезмерно упрощать». Это золотое правило он использовал не только в вопросах перехода на латиницу, упорядочения терминологии, разработки литературных норм казахского языка, но и в организаторской деятельности по созданию первой академии на родной земле – Казахского филиала Академии наук СССР, который позднее был реорганизован К. И. Сатпаевым и его сподвижниками в Академию наук Казахской ССР.

Многие начинания и труды Кудайбергенов Жубанова остались незавершенными. Не успел он закончить и свою глубокую философскую концептуальную работу об Абае как классике казахской литературы. К. Жубанов был первым, кто на основе изучения наследия великого поэта и мысли-

теля научно обосновал его роль в национальной культуре.

Сегодня в лаборатории жубановедения в Актюбинском региональном государственном университете, носящем имя Кудайбергенов Жубанова, исследуются идеи и разработки выдающегося ученого, популяризируется его наследие.

Этим занимался в качестве руководителя лаборатории сын К. Жубанова – Есет, а после его смерти продолжает это благородное дело внучка Кудайбергенов Жубанова – Ардак.

В независимом Казахстане, идею которого, на свой страх и риск, в годы сталинщины поднимал патриот народа и отчизны Кудайберген Жубанов, его имя поднято на должную высоту. Упомянутый АРГУ является сегодня одним из крупнейших вузов Западного Казахстана и всей страны. В год столетия со дня рождения в Актобе установлен памятник выдающемуся ученому, во многих городах и населенных пунктах страны есть улицы его имени.

Попутно нелишне будет сказать, что фамилия Жубановых славна не только делами Кудайбергенов. Бесценный вклад в духовную сокровищницу Казахстана внесли младший брат ученого – музыковед, композитор и дирижер Ахмет Жубанов, его дочь – композитор и педагог Газиза Жубанова, сыновья Кудайбергенов – доктора филологических наук Есет Жубанов, Аскар Жубанов, художник, педагог Акраб Жубанов. Продолжают фамильную эстафету внуки, правнуки Кудайбергенов и Ахмета Жубановых, являясь научными работниками, музыкантами, художниками, учителями, врачами.

Жизнь выдающихся сынов и дочерей народа продолжается в потомках, в сознании и свершениях новых поколений.

**Ярослав САГИН,
Георгий ОЛЕНИН**

АННОТАЦИЯ

Мақала қазақ халқының көрнекті тұлғасы, ғалым-лингвист, қазақ тіл білімінің негізін қалаушыларының бірі, репрессия құрбаны болған Құдайберген Жұбановқа арналады. Биыл аңызға айналған тұлғаның 120-жылдық мерейтойы.